DISKUSIE

К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОЛЕКТА И ЕГО ВЛИЯНИЯ НА СПЕЦИФИКУ ТЕРМИНОЛОГИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ПЕРЕВОДА

НАТАЛЬЯ КОРИНА

Institut für Slawistik der Universität Wien, Österreich

ОЛЬГА ВРЕДЕ

Katedra germanistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre,
Slovensko

РАДИФ ЗАМАЛЕТДИНОВ

Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального
университета, Казань, Россия

KORINA, Natalia – WREDE, Oľga – ZAMALETDINOV, Radif: The Problem of
Natiolect in Connection with the Language Interference and the Specifics of Terminology
Translation. *Journal of Linguistics*, 2021, Vol. 72, No X, pp. 787 – 808.

Abstract: This paper is devoted to the explored aspects of the functioning of the different varieties of modern standard languages (here German in Austria and Russian in Belarus) as well as to the rather distinct terminology in this area. In this connection authors consider the terms “natiolect” and “regiolect” in comparison with the pluricentric languages theory. A special attention is paid to the problems of the translation specifics occurred in natiolect, especially to the problem of terminology and culture concepts translation. The problem of interlingual interference has also been taken into account. Authors emphasize the need to include these issues in the curriculum of translation and interpreting studies.

Key words: natiolect, regiolect, diatopic variant, pluricentric languages, translation, interference, terminology, German, Slovak, Russian

ВВЕДЕНИЕ

Конвергентные и дивергентные тенденции, действующие в ходе развития естественных языков, находятся под влиянием различных экстралингвистических факторов, в частности, геополитической ситуации. Её изменение усиливает такие дивергентные процессы, как формирование новых региональных вариантов национальных литературных языков и углубление различий между ними. Таким образом, всё большее распространение приобретает формула «один идиом (язык) – разные социумы» (ЛЭС, с. 326). Этот идиом может модифицироваться и в пределах разных социумов выступать в разных вариантах. В целях терминологического различения мы будем далее именовать «материнский» идиом – язык,

исторически сформировавшийся на давшей ему название этнической территории, – *исходным идиомом*, а его разновидности, сложившиеся позднее в пределах социумов, не тождественных исходному идиому, – *экстратерриториальными вариантами*¹, среди которых будем различать *нациолекты* и *региолекты*.²

Одной из причин изменения современной политической карты мира стал распад СССР, в результате чего возникла проблема статуса русского языка и определения его экстратерриториальных вариантов в странах постсоветского пространства. В отличие, например, от английского языка Великобритании, США и Австралии или немецкого языка Германии, Австрии и Швейцарии, попытки классификации которых делались уже в 1980-е годы (см. 1.2), специфике русского языка России, Беларуси, Казахстана и других бывших союзных республик внимание стало уделяться гораздо позже (Naarmann, 1999; Дуличенко, 2002; 2004; Del Gaudio, 2013; Muhr – Fonyuy – Ibrāhīm – Miller, 2016³ и др.). Не устоялась пока и терминология – подобные языковые разновидности называют региолектами, нациолектами, диатопическими вариантами и т. д. Очевидно одно: эти экстратерриториальные варианты, являясь нормативными, имеют специфику, не свойственную норме исходного идиома. Кроме того, независимо от научной классификации данных языковых разновидностей в коммуникации возникают проблемы прагматического характера – в частности, при переводе официальной документации и преподавании таких языков как иностранных.

В данной статье мы затронем проблему классификации экстратерриториальных вариантов литературного языка с акцентом на проблему нациолекта и рассмотрим, каким образом нациолект влияет на процесс перевода и его результаты, на примере немецкого и русского языков. Поскольку наш обзор предназначен для словацкой научной среды, при рассмотрении специфики перевода будет привлекаться также словацкий язык в парах с русским и немецким, австрийский нациолект которого исторически находился в тесной взаимосвязи со словацким языком и оказывал на него влияние (см. ниже).

1. ПРОБЛЕМА НАЦИОЛЕКТА

1.1 Терминологические коллизии

Разнообразие и стабильность терминологии в области наименования и классификации вариантов литературных языков, функционирующих на тер-

¹ Данный термин применяет, в частности, А. Д. Дуличенко (Дуличенко, 2004). Следует сделать оговорку, что имеется в виду экстратерриториальность с исторической точки зрения: все миграционные и колонизационные процессы, приведшие к формированию современной языковой карты мира, происходили с участием уже сформированных идиомов, иначе возникли бы и другие лингвонимы.

² Обоснование и обзор терминологии см. в 1.1.

³ Имеются в виду систематические исследования; единично тема намечалась уже в 1980-е гг. (см. ниже).

риториях вне исходного идиома, зависит от степени разработанности данной проблематики в отдельных странах. Поскольку общественные запросы на её исследование формировались в разное время, практически в каждом языке, имеющем подобные варианты, сложился свой понятийный аппарат. К наиболее разветвлённым принадлежит теория плюрицентричности, активно разрабатываемая, в частности, в немецкоязычной лингвистике (см. 1.2).

Русский язык, хотя и был единственным официально установленным средством межнационального общения многонационального СССР⁴, не рассматривался в советскую эпоху с точки зрения его трансформаций на инациональной почве, поскольку он трактовался не столько как национальный язык русского народа, сколько в первую очередь как единый «всесоюзный язык», который используется в пределах СССР и не является государственным языком в других государствах (ср. Naarmann, 1999, с. 817; Comrie, 1999, с. 844). Статус государственного/официального языка за пределами России (в Беларуси, Казахстане и Киргизии) он приобрёл только после распада СССР начиная с 1991 г. Однако экстратерриториальные варианты литературного русского языка в бывших союзных республиках, хотя предпосылки к их формированию были заложены раньше, также начали полноценно формироваться только с обретением этими республиками государственного суверенитета. Это касается прежде всего стран, где русский язык имеет статус государственного (Беларусь), официального (Казахстан, Киргизия)⁵ или регионального (Молдова, Украина – до недавнего времени⁶). В этой области ещё не установлен понятийный аппарат и, как следствие, пока не сформировалась единая терминология. В данной статье мы предлагаем использовать терминологию, которая могла бы быть приемлемой для характеристики экстратерриториальных вариантов литературных языков, традиционно рассматриваемых в пределах разных терминологических систем.

Для обозначения территориальных разновидностей литературных языков в западноевропейской, российской и белорусской лингвистике применяется термин *нациолект*, однако его дефиниции различаются. Понятие нациолекта связано с понятием т. н. плюрицентрических (плюрицентричных, полицентри-

⁴ В союзных республиках допускалось официальное использование национальных языков, однако оно носило внутренний, а не общегосударственный характер (ср. Comrie, 1999).

⁵ Статья 7 п. 2 Конституции Республики Казахстан (Раздел I) гласит: «В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык» (<http://www.constitution.kz/razdel1/>). В Киргизской Республике официальное использование русского языка было закреплено Конституцией 2010 г. (<http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913>).

⁶ Новейшие изменения украинского законодательства лишили русский язык статуса регионального (закон № 2704-VIII от 25.04.2019 г. «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного»). Обзор изменений в статусе русского языка на постсоветском пространстве см. (Del Gaudio, 2013).

ческих) языков (Clyne, 1992; Мячкоўская, 2008; см. также 1.2) и используется в Бельгии, Голландии, Скандинавии (Laureys, 1997; Martin, 2001; Van Keulemen, 2018), частично в Германии (Hentschel et al., 2014) и Беларуси (Михневич, 1985; Норман, 2014). Как нациолекты разными учёными определяются: 1) варианты литературного языка, функционирующие на территориях вне исходного идиома (Мечковская, 2006; Вахтин – Мустайоки – Протасова, 2010 и др.); 2) системно развитые (внутри)языковые варианты, ограниченные территорией конкретного государства (Laureys, 1997). Первое определение соответствует термину *диатопический вариант* в немецкой терминологии⁷ (ср. Ammon, 1992; Martin, 2001; Kappel, 2007 и др.). Термин «нациолект» и в первом, и во втором определении имеет целый ряд эквивалентов (*национальный диалект, региолект, этнолект* и др. – обзор см.: Мячкоўская, 2008), который значительно расширяет европейская научная литература на английском языке: в ней, в частности, для различения исходного идиома и его вариантов также используются термины *доминантная* и *недоминантная разновидность* – англ. *dominant / non-dominant variety* (Del Gaudio, 2013⁸; Muhr – Fonyuy – Ibrāhīm – Miller, 2016).

Вышеупомянутые термины, особенно *нациолект* и *региолект*, часто взаимозаменяются, между ними сложно провести чёткую границу. Однако сами экстратерриториальные варианты литературных языков имеют вполне ощутимые различия как в официальном статусе, так и в функционально-стилистическом и коммуникативном планах, которые необходимо терминологически маркировать. Поэтому мы предлагаем *нациолектами* именовать полнофункциональные разновидности литературного языка, имеющего на территории вне исходного идиома статус государственного или официального языка и обладающего системой языковых норм, закреплённых в соответствующих академических изданиях и/или законодательных актах, а *региолектами* – функционально ограниченные разновидности литературного языка, не имеющие официального статуса.

Объектом нашего рассмотрения будут два нациолекта – немецкий язык Австрии и русский язык Беларуси, описания и попытки классификации которых мы попробуем сопоставить.

1.2 Немецкий язык: к истории классификации территориальных вариантов

Ещё в 70-е годы XX века считалось, что тот вариант литературного немецкого языка, которым пользуются в Федеративной Республике Германии (ФРГ),

⁷ Подробнее см. 1.2.

⁸ В указанной статье С. Дель Гаудио также приводит обзор новейших российских и украинских исследований по данной проблематике, подчёркивая резкое возрастание интереса к ней в последнее время.

так называемый *Hochdeutsch*, на основании геополитического и демографического лидерства Германии в немецкоязычном мире является нормой, обязательной для всех немецкоязычных стран (Wiesinger, 1995, с. 60). Другие варианты, которые в немецкоязычной лингвистике принято называть *диатопическими* (там же), а именно варианты Австрии, Швейцарии, Южного Тироля (Италия), Бельгии, Лихтенштейна, а также варианты внутри самой ФРГ, считались, скорее, определёнными отклонениями или особенностями немецкого языка ФРГ как языка немецкого стандарта (т. н. Binnendeutsch, Bundesdeutsch). Некоторые учёные говорили в этой связи о *маргинальном* немецком языке (Randdeutsch) (Markhardt, 2006, с. 9). Подобный подход принято называть *языковым моноцентризмом* (Wiesinger, 1995, с. 60; Schrodt, 1997, с. 13).

Начиная с 1980-х годов в научном обиходе закрепляется теория языковой плюрицентричности, согласно которой немецкий язык выступает в четырёх самостоятельных диатопических вариантах: ФРГ, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейна (Clyne, 1984; von Polenz, 1987; 1988; Ammon, 1992; 1995; Muhr, 1995; 1997; 2009; Schrodt, 1997, с. 13 и др.).

Согласно данной теории, плюрицентрическим язык является в случае, если им в качестве официального национального или регионального языка пользуется население более чем одного государства, несмотря на постепенное приобретение данным языком отличий в литературной (стандартной) форме (Ammon et al., 2004, с. XXXI). Плюрицентрическими по данной теории являются английский, немецкий, французский, испанский, португальский, арабский, китайский, армянский, русский и другие языки.

Язык определяется как плюрицентрический, если он образует *языковой центр* (Sprachzentrum) и функционирует а) как единственный государственный язык (Amtssprache), б) как официальный язык, используемый параллельно с другим официальным языком/языками (Co-Amtssprache), либо в) как региональный язык (Regionalsprache). Данное определение исходит из современной языковой ситуации и не учитывает исторические условия, а именно то, каким образом и в результате каких процессов рассматриваемый идиом закрепился на данной территории. Ульрих Аммон подчёркивает, что не все народы, использующие определённый язык, являются одновременно носителями языковых центров (Ammon, 1995, с. 113), что позволяет относить к плюрицентрическим языкам и русский (см. выше). По отношению к немецкому языку У. Аммон полагает, что его т. н. *главными национальными центрами* (nationale Vollzentren) можно считать только Австрию, Германию и немецкоязычную часть Швейцарии (там же). Главные национальные центры должны иметь определённые учреждения, кодифицированные грамматики и авторитетные органы, регулирующие использование данного языка в его стандартном (кодифицированном) варианте. К ним относятся языковые кодексы (словари, грамматики), нормативные авторитеты (преподаватели), лингвисты-эксперты и так называемые

образцовые пользователи языка (напр., дикторы радио и телевидения) (Ammon, 1995, с. 113–114). Существование данных учреждений является решающим фактором конституирования главного национального языкового центра (Ammon et al., 2004, с. XXXI). Плюрицентрический язык в такой трактовке соответствует избранному нами понятию *нациолекта*.

Остальные страны, использующие собственные варианты немецкого языка, Аммон называет *второстепенными национальными центрами* (Halbzentren). К ним он относит Лихтенштейн, итальянскую провинцию Больцано в Южном Тироле, немецкоязычное сообщество восточной Бельгии и Люксембург, поскольку здесь немецкий язык либо по статусу ограничен на региональном уровне, либо не имеет вышеуказанных нормативных учреждений, в частности, кодексов, регулирующих пользование языком как литературным (Ammon et al., 2004, с. XXXI). По принятой нами терминологии в таких случаях можно говорить о *региолектах*.

Благодаря плюрицентрической концепции, которая заняла прочное место в немецкой лингвистике в 1980-е годы, сегодня отдельные варианты немецкого языка считаются самостоятельными и равноценными. Отличия уже воспринимаются не как отклонения от сверхнационального стандарта (Binnendeutsch) или как аномалии, а как австрийский немецкий, швейцарский немецкий и немецкий язык Германии (имеется в виду литературный язык!), которые понимаются как самостоятельные, сосуществующие параллельно диатопические варианты немецкого языка (там же, с. XXXII) – *нациолекты* в нашем рассмотрении.

В этой связи рассмотрим более подробно австрийский немецкий, его социально-политический статус и учёт его особенностей при переводе.

1.3 Австрийский немецкий и его место в системе вариантов немецкого языка

Отдельные нациолекты немецкого языка идентифицируются в коммуникации по лексике и особенностям произношения и интонации и отличаются не только на системном, но и на прагматическом уровне (Ebner, 2008; Weiss – Weiss – Spechtler, 2007; Wissik, 2014). Именно эти различия считаются показателями национальной идентичности, укрепляющими национальное самосознание носителя соответствующего нациолекта.

Благодаря тому, что австрийский немецкий завоевал право называться нациолектом (диатопическим вариантом) немецкого языка, произошло неординарное событие: в 1994 году в ходе переговоров о вступлении Австрии в Евросоюз австрийское правительство настояло на том, чтобы в знаменитый Протокол № 10⁹ были включены 23 типичных наименования из австрийского немец-

⁹ Protokoll Nr. 10 über die Verwendung spezifisch österreichischer Ausdrücke der deutschen Sprache im Rahmen der Europäischen Union (Протокол № 10 «Об употреблении специфически-

кого (т. н. *австризмов* – см. ниже) из области гастрономии, которые в официальных документах ЕС имеют равную юридическую силу с их эквивалентами в немецком языке Германии (*Binnendeutsch*). Эти избранные австрийские наименования помещаются в юридических документах Евросоюза за немецкими, отделяются от них косой чертой и обозначаются звёздочкой: «*Bohnen/Fisolen^(*) sind in Anhang I der Verordnung (EG) Nr. 2200/96 als eines der Erzeugnisse aufgeführt, für die Normen festzulegen sind*». При первом использовании в тексте в подстрочном примечании указывается: «*(*) Австрийское наименование согласно Протоколу № 10 Договора о присоединении 1994 г.*». Таким образом, австрийский немецкий получил в ЕС особое положение – другие националекты пока не удостоились подобного исключения (Schreiber, 2002, с. 151). Такой языковой «триумф» на предварительных переговорах обеспечил беспроблемное проведение референдума о вступлении Австрии в Евросоюз. Это пока единственный в истории пример того, как государство ЕС с помощью языкового вопроса успешно укрепило собственное национальное самосознание, причём в период, когда вопросы сохранения национальной идентичности стали особенно актуальными в объединяющейся Европе.

Как уже указывалось, националекты немецкого языка можно идентифицировать по уникальной для них лексике. По отношению к австрийскому немецкому принято говорить об *австризмах* (*Schlagobers, Melanzane, Gelse*), швейцарскому – *гельветизмах* (*Führerausweis, Rösti, Schultheke*), а к немецкому языку Германии – о *тевтонизмах* (*Abitur, Personenstandsregister, Bürgersteig*).¹⁰

Хайдемари Маркхардт, переводчик с большим опытом работы в институтах Евросоюза, провела анкетирование среди германистов-переводчиков ЕС неавстрийского происхождения. Среди вопросов анкеты были такие: насколько сложным они считают перевод австрийских текстов, как воспринимают языковые особенности австрийского немецкого, известны ли им избранные австризмы и в какой степени они активно пользуются специфически австрийскими словами в своей работе. 53 % респондентов сочли, что австрийские тексты переводить сложнее, причем 31 % из них отметили, что по сложности австрийские тексты сравнимы с немецкими, 3 % – что они «проще», а 13 % затруднились ответить. Респонденты исходили из сложности произношения, термино-

австрийских выражений немецкого языка в рамках Европейского Союза»). Этот протокол стал легендарным как единственный официальный акт международного признания различий в немецком языке Австрии и Германии (см. Protokoll..., 1995).

¹⁰ Термин *тевтонизм*, предложенный У. Аммоном (Ammon, 1995, с. 330), был подвергнут критике (von Polenz, 1996), поскольку его коннотации имеют насмешливый характер, что приводит к возможной пренебрежительной или иронической окраске (в значении ‘нечто типично немецкое’). Однако другие альтернативные наименования типично немецких слов (*Deutschlandismus, Bundesgermanismus, Germanismus*) в терминологии не закрепились (см. Schneider-Wiejowski – Ammon, 2013).

логии, синтаксических структур и способов выражения мысли. В качестве 10 самых непонятных терминов, которые были представлены в коротком тексте, респонденты указали следующие: *AHSler*, *Schubhäftling*, *Gebahrung*, *Abgängigkeitsanzeige*, *Unterstandsloser*, *Journalbeamter*, *Drucksorte*, *Abgängiger*, *Wachstube* и *unterfertigen* (Markhardt, 2004).

Таким образом, проблема использования националекта напрямую связана с проблемами перевода, которые мы рассмотрим ниже.

1.4 Русский язык Беларуси

Республика Беларусь – единственная из постсоветских республик, в которой русский язык, по многим причинам сохранивший высокий социальный престиж, вместе с белорусским закреплён Конституцией в качестве государственного языка (Беларуская мова, 1998; Naarmann, 1999). С одной стороны, это позволило ему сохранить дискурсивную и стилистическую полнофункциональность на территории вне исходного идиома, а с другой стороны, вкупе с оттоком сельского населения в города привело к более активному смешению с близкородственным белорусским языком и образованию гибридного (креолизованного) варианта, получившего неофициальное название «трасянка» (Цыхун, 1998; Плотнікаў – Антанюк, 2003, с. 16–17; Hentschel – Zeller, 2012; Рамза, 2014 и др.), что дало учёным повод для рассуждений о триязычии белорусского населения (Цыхун, 1998; Hentschel – Kittel, 2011). В результате развития в таких условиях русский язык Беларуси, оставаясь полнофункциональным литературным языком, приобрёл специфические черты, которые дают основание считать его отдельным вариантом (нациолектом) русского языка. Арнольд Михневич назвал его *белорусским националектом русского языка* ещё в 1980-е гг., когда в немецкоязычной лингвистике только устанавливалась теория плюрицентричности, а в СССР вообще не велись систематические исследования в данном направлении (Михневич, 1985, с. 12). Степень развития самого явления и его изученности в начале XXI века позволяет утверждать, что русский язык является плюрицентричным языком, а в Беларуси функционирует один из его экстратерриториальных вариантов (ср. Ammon et al., 2004; Мечковская, 2006; Elspaß, 2010; Вахтин – Мустайоки – Протасова, 2010; Woolhiser, 2011 и др.).

Специфика русского языка Беларуси заметна прежде всего на лексическом и грамматическом уровнях (подробнее см.: Мячкоўская, 2008, с. 188–190), причём в сфере лексики наиболее показательны две области – терминология и культурно-маркированная лексика. В этом проявляется основная характерная черта националекта, отличающая его от гибридных образований¹¹, – сохранение

¹¹ Среди гибридных образований, одним из компонентов которых является русский язык, особую специфику имеют белорусская «трасянка» и украинский «суржик», дополнительно осложнённые близкородственностью смешиваемых языков (Цыхун, 1998; Мечковская, 2006; Рамза,

языковой среды исходного идиома при одновременном присутствии культурно-маркированных элементов принимающей лингвокультурной среды. Наличие маркеров принимающей культуры является национально-специфичной характеристикой, отличающей нациолект от исходного идиома (Корина, 2016). Именно эта часть лексикона создаёт дополнительные трудности при переводе.

2. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА И ПРОБЛЕМА ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Перевод является особым видом речевой деятельности, лингвистическая специфика которого «определяется тем фактом, что при межъязыковом общении в качестве коммуникативно равноценных оказываются сообщения (тексты) на разных языках» (Комиссаров, 2007, с. 29). Поэтому проблему эквивалентности перевода можно рассматривать как проблему создания коммуникативно равноценного текста.

Как обеспечивается эта равноценность? Перевод как вид межъязыковой коммуникации имеет ещё одну важную особенность – «наличие дополнительного звена – переводчика, который обеспечивает переход от одной языковой системы к другой» (там же, с. 30). Роль личности переводчика по-разному оценивается в разных переводческих школах, однако любой переводчик – носитель определённого языка и оперирует автоматизированными в его сознании структурами данного языка, носящими в значительной степени ассоциативный характер. Автоматизированное употребление языковых структур родного языка неизбежно приводит к интерференции при переводе, степень которой зависит преимущественно от субъективных факторов (профессионального опыта переводчика, языковой среды его общения, состояния здоровья и т. д.).

Языковая интерференция – явление многоуровневое и пока недостаточно изученное, как и сами человеческое мышление и сознание. Теория перевода изучает интерференцию в основном в контексте билингвизма, определяя её как «нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» (Розенцвейг, 1972, с. 28). Однозначного определения интерференции не существует потому, что крайне сложно разделить лингвистический и психологический аспекты её функционирования. В этом смысле удачным представляется определение, приводимое Зариной Сидешовой на основании анализа различных существующих дефиниций: интерференция – это «скрытый внутренний механизм взаимодействия языков, находящихся в контакте: этот процесс может давать как отрицательный, так и по-

2013; Hentschel, 2008; Hentschel et al., 2014; Hentschel – Taranenko, 2015 и др.). Данные феномены не являются предметом нашего рассмотрения, хотя заслуживают отдельного внимания и активно изучаются (см. выше).

ложительный результат при овладении вторичной языковой системой» (Сидешова, 2011, с. 5).

Переводческая интерференция понимается в основном как негативный перенос особенностей родного языка в иностранный (Gasek, 2012). Чем более типологически близкими оказываются язык-источник и переводящий язык, тем ниже способность переводчика идентифицировать их отличия. А если языки близки ещё и генетически, то, кроме грамматической интерференции, возрастает проблема «ложных друзей переводчика», поскольку, кроме омонимов и паронимов, в действие вступают различные доминантные семы у аналогичных полисемантов, а также значительно расходящиеся коннотации и различная стилистическая окрашенность одних и тех же лексем. Особую роль играют в этом процессе метафорические структуры, которые встречаются во всех типах текстов и часто ложатся в основу терминов (ср. Zabavnova – Zamaletdinov, 2016). Совершенно иной стороной оборачивается интерференция в случае сознательного выбора переводчиком конкретного нациолекта.

2.1 Нациолект как переводческая проблема: австрийский немецкий

Как уже упоминалось, австрийский немецкий обладает специфическими чертами на всех языковых уровнях. Эти отличия заметны не только в общеупотребительной сфере, но и в узкоспециальных текстах. И хотя немецкий язык на современном этапе рассматривается в свете теории плюрицентризма, вопрос его вариантов применительно к языку для специальных целей остаётся практически неисследованным (Wissik, 2014, с. 1).

Для определённых сфер коммуникации характерна терминология, которая отличается в разных нациолектах немецкого языка. Данные отличия чаще всего возникают либо в результате различной номинации одного и того же денотата, либо в результате различного толкования понятия. Такая специфика характерна, в частности, для юридических и экономических текстов. Различия понятий зачастую являются следствием их включения в правовую систему, которая, несмотря на общий (немецкий) язык, получила определённое историческое развитие в каждом государстве (Markhardt, 2004; Muhr, 2009 и др.). Не случайно перевод юридических текстов считается одним из сложнейших видов перевода вообще: не существует единой и всеобщей юридической науки – самостоятельных и независимых друг от друга юридических наук столько же, сколько правовых систем (Arntz – Picht – Mayer, 2009, с. 170).

Научной литературы по проблемам отличий нациолектов немецкого языка в сферах экономики и права не так уж много (Brambilla – Gerdes – Messina, 2013; Wissik, 2014; Messina, 2015), однако конкретные терминологические отличия закреплёны в толковых словарях юридических терминов (Markhardt, 2006; Muhr – Peinhof, 2015).

Йо Комбюхен (Combüchen, 2006, с. 10) подчёркивает, что немецкий язык «живёт» в различных правовых системах, и кажущееся тождество на уровне наименования может иногда не только оказаться проблематичным, но и привести к недоразумениям или неверным интерпретациям. Поэтому очень важно указывать на различия национальных диалектов в профессиональной подготовке переводчиков. Так, в Университете им. Константина Философа в Нитре (Словакия) студентов-переводчиков обучают на текстах разнообразной тематики, отражающих особенности национальных диалектов, – различных типах договоров, предпринимательских лицензий, решений судов, приговоров, справок, свидетельств, дипломов, годовых отчётов – и других текстах, отражающих реальные нужды рынка.

Приведём примеры того, до какой степени различие в национальных диалектах немецкого языка может влиять на интерпретацию оригинала и, как следствие, на качество перевода, из практики подготовки переводчиков немецкого языка в Словакии (материалы предоставлены Ольгой Вреде).

В австрийских официальных документах часто приводятся названия учреждений, напр., *Bezirksgericht*. Студенты при переводе на словацкий часто действуют интуитивно и выбирают один из эквивалентов *obvodný súd – okresný súd – krajský súd*.¹² Однако в австрийской судебной системе *Bezirksgericht* обозначает судебную инстанцию, которая занимается решением гражданско-правовых споров по суммам не более 10 000 евро (семейные, арендные, имущественные дела и т. п.), семейных дел (опекунство, взыскание алиментов и т. д.), а также решением споров между арендаторами и арендодателями недвижимости, исполнительным производством и правонарушениями, за которые полагается денежный штраф или лишение свободы на срок не более одного года. Таким образом, *Bezirksgericht* – это суд первой инстанции, в компетенции которого входит решение гражданско-правовых и уголовных вопросов. В немецком языке Германии ему соответствует наименование *Amtsgericht*, а в словацком – *okresný súd* либо *prvostupňový súd / súd prvého stupňa* (букв. «суд первой ступени»). Однако при обратном переводе данных терминов на немецкий язык возникает проблема. Если мы воспользуемся существующими словарями, при наименовании *okresný súd* в словаре *Fachwörterbuch Recht – Wirtschaft* (Krenčeyová – Krenčey, 2002) найдём: «1. *Amtsgericht (súd prvého stupňa)*; 2. *Kreisgericht (SRN)*; 3. *Bezirksgericht (rak.)*», где значение 2 отсылает к терминологии ФРГ, а значение 3 – Австрии. В словаре *Slovensko-nemecký ekonomický slovník* (Ondrčková – Lišková – Pospíšilová, 2005) указаны только две альтернативы: «1. *Amtsgericht*; 2. *Kreisgericht (rak.)*», причём наименованием *Kreisgericht* в Австрии обозначались до 1993 г. только местные суды, находившиеся не в столице данной федеральной земли.

¹² Согласно административно-территориальному делению Словакии *obvod* соответствует району города, *okres* – району государства с центром в каком-либо городе, *kraj* – области (прим. авторов).

В связи с возможностями трудоустройства в ЕС, которые открылись словацким гражданам после вступления Словакии в Евросоюз, работодатели требуют от своих сотрудников справку о несудимости – *výpis z registra trestov*. В Германии этот документ называется *Führungszeugnis*, в Австрии – *Strafregisterbescheinigung* (ранее также *Leumunds-* или *Sittenzeugnis*), а в Швейцарии – *Strafregisterauszug*. Нет единого наименования и для свидетельства о гражданстве – *osvedčenie o štátnom občianstve*: в Германии это *Staatsangehörigkeitsausweis*, а в Австрии – *Staatsbürgerschaftsnachweis*.¹³

Различия в юридическом языке Германии и Австрии во многом базируются на понятийном аппарате (Muhr, 2009). Хороший пример – понятие *Exekution*. В немецком праве под *Exekution* понимается в первую очередь исполнение смертного приговора через казнь (смертная казнь в Германии отменена, но юридический термин остался). В Австрии значение совершенно иное: *Exekution* – это конфискация и другие виды ареста имущества, то есть исполнительное производство, регулируемое соответствующим законом (*Gesetz über das Exekutions- und Sicherungsverfahren – Exekutionsordnung*, последняя редакция 2005 г.). В немецком праве данным действиям соответствует термин *Zwangsvollstreckung*, а в российском это институт *судебных приставов*.

Особенности австрийского немецкого в сравнении с языком Германии, с которыми сталкиваются переводчики австрийских юридических и экономических текстов, проявляются чаще всего на лексико-словообразовательном уровне – ср. (DE – Германия, AT – Австрия):

- *Geld vom Konto abheben* (DE) – *Geld vom Konto beheben* (AT);
- *Dokumente sind eingetroffen* (DE) – *Dokumente sind eingelangt* (AT);
- *Klagen einreichen und abweisen* (DE) – *Klagen einbringen und zurückweisen* (AT);
- *einen Ehevertrag schließen* (DE) – *einen Ehepakt schließen* (AT);
- *eine Privatklage erheben* (DE) – *eine Privatanklage erheben* (AT);
- *(r) Nachlass/(e) Erbschaft* (DE) – *(e) Verlassenschaft* (AT);
- *den Vergleich anmelden* (DE) – *den Ausgleich anmelden* (AT);
- *etw. aushändigen* (DE) – *etw. ausfolgen* (AT);
- *eine Verwaltungsabgabe zahlen/entrichten* (DE) – *vergebühren* (AT) и др. (Wrede – Borsuková, 2008).

Отдельную группу образуют австрийские термины, которые, в отличие от их «германских» эквивалентов, по форме близки словацким и частично совпадают с ними по содержанию. Это наследие Австро-Венгрии – исторического

¹³ Для сравнения: в Швейцарии это *Staatsangehörigkeitsnachweis*, а в юридической и административной практике России вообще нет подобного документа (см. Указ Президента РФ от 03.11.2006 г. № 1226), поэтому мы при переводе этого термина на русский язык воспользовались калькой со словацкого.

периода, когда славянские языки империи активно заимствовали официальную немецкую терминологию. Некоторые примеры (DE – Германия, AT – Австрия, SK – Словакия):

- *Rechnung* (DE) – *Faktura* (AT) – *faktúra* (SK);
- *auf eine Entscheidung drängen* (DE) – *etw. urgieren* (AT) – *urgovať/posúrit'* (SK);
- *etw. erfassen* (DE) – *etw. in Evidenz ziehen* (AT) – *evidovať* (SK);
- *Personenstandsregister* (DE) – *Matrikel/Matrikenbuch* (AT) – *matrika* (SK);
- *Rentner/Rente* (DE) – *Pension/Pensionist* (AT) – *dôchodok/dôchodca* (в разговорном языке *penzia/penzista*) (SK) и др.

2.2 Переводческая специфика нациолектов русского языка: Республика Беларусь

После распада СССР нациолекты русского языка получили новый импульс для развития, поскольку с приходом новых реалий в каждом из них возникли новые наименования (понятия), которые, будучи русскими по языковой принадлежности, не являются тождественными в разных постсоветских республиках. Особенно показательна в этом плане юридическая и экономическая терминология – как и в случае немецкого языка Австрии, в русском языке Республики Беларусь (РБ) выработаны собственные наименования, отличные от русского языка Российской Федерации (РФ). К наиболее типичным можно отнести экономические термины, которые являются неотъемлемой частью коммерческой документации и связаны с идентификацией и категоризацией предприятий и организаций (их аббревиатуры являются обязательными реквизитами документов), наименования отдельных экономических показателей, а также наименования государственных структур. В следующей таблице приведены примеры некоторых терминов РФ (RU) и РБ (BY), вызывающих трудности при переводе с русского на словацкий язык (SK).

Таблица 1. Различия в русской терминологии РФ и РБ и их словацкие эквиваленты

RU	BY	SK
ИНН, индивидуальный номер налогоплательщика	УНП, учётный номер (налого)плательщика	DIČ, daňové identifikačné číslo
ЕГРЮЛ, Единый государственный реестр юридических лиц и ЕГРИП, Единый государственный реестр ¹⁴ индивидуальных предпринимателей (два отдельных реестра)	ЕГР, Единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (один общий реестр)	точного институционального эквивалента нет, примерно соответствует словацкому Торговому реестру (OR, Obchodný register)

¹⁴ Жирным шрифтом в примерах выделены различные наименования единиц одного типа, которые в аббревиатурах одинаковы из-за тождественности первых букв.

ОКПО, Общероссийский классификатор предприятий и организаций	ОКРБ, Общегосударственный классификатор Республики Беларусь (все классификаторы вместе), а также ОКЮЛП, Общегосударственный классификатор юридических лиц и индивидуальных предпринимателей	точного институционального эквивалента нет, при переводе калькируется
ОГРН, основной государственный регистрационный номер	регистрационный номер по ЕГР (см. выше), отдельной аббревиатуры нет	IČO, identifikačné číslo organizácie
ПАО, публичное акционерное общество	ОАО, открытое акционерное общество	a. s., (verejná) akciová spoločnosť ¹⁵
АО, непубличное акционерное общество	ЗАО, закрытое акционерное общество	a. s., (súkromná) akciová spoločnosť ¹²
МРОТ, минимальный размер оплаты труда	МЗП, минимальная заработная плата	minimálna mzda
полиция	милиция	polícia
ГИБДД, Государственная инспекция безопасности дорожного движения	ГАИ, Государственная авто(мобильная) инспекция	DP, dopravná polícia
судебный пристав	судебный исполнитель	exekútor
мэрия	горисполком, городской исполнительный комитет	mestský úrad
УК, управляющая компания (в ЖКХ ¹⁶)	ЖЭС, жилищно-эксплуатационная служба ¹⁴	správcovská spoločnosť (správa bytov)

После распада СССР появились отличия в административной и юридической терминологии вследствие изменения административно-территориального деления и структуры органов госуправления и местного самоуправления в РФ и РБ, а также с изменениями правовой базы: название правоохранительного ведомства *полиция* в РФ и *милиция* в РБ, название органа местной городской исполнительной власти *мэрия* в РФ и *горисполком* в РБ и др. (см. Таб. 1). В целом в указанных сферах в Беларуси наблюдается тенденция сохранения наименований, использовавшихся в СССР, в то время как в России они в основном изменились и часто соответствуют западноевропейским.

Подобные отличия в терминологии нациолекта создают проблемы при переводе и требуют от переводчика знания не только самой терминологии, но

¹⁵ Тип акционерного общества в его наименовании не присутствует; отличия указаны в скобках.

¹⁶ Наименования органа управления многоквартирным домом в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) не полностью эквивалентны, т. к. сами механизмы управления различаются, что связано с разными формами собственности и организационными схемами в РФ и РБ. Понятие управляющей компании существует и в РБ, но его наполнение отличается от российского.

и особенностей её применения. Кроме того, переводчик может оказаться носителем нациолекта и под влиянием интерференции употребить тот термин, который присутствует в его наборе автоматизированных языковых структур, а заказчик – носителем исходного идиома, где этого термина нет. Возможно и обратное.

Отдельную проблему, как уже упоминалось, представляет культурно-маркированная лексика, поскольку для понимания связанных с ней контекстов необходимо знание того культурного фона, на котором она сформировалась – иными словами, того комплекса устойчивых ассоциаций, который срабатывает у носителя данной лингвокультуры и благодаря которому слова «обрастают» множеством специфических коннотаций. При переводе такие контексты требуют комментария, что не всегда позволяет характер коммуникации. Часто на культурно-маркированной лексике бывает основана языковая игра, которая встречается в текстах самых разных стилей, включая научный. Характерный пример, уже приводившийся одним из авторов в другой публикации, – попытка австрийских магистрантов-русистов перевести заголовок одного из подразделов книги М. А. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» (2011) – «Курс молодого словца»¹⁷ (Корина, 2017). Объяснение понятия *курс молодого бойца*, лежащего в основе языковой игры, не дало результата, поскольку в арсенале немецкого языка не нашлось адекватных средств для передачи всех смысловых нюансов с учётом контекста – как в силу различия реалий и связанных с ними ассоциаций¹⁸, так и в силу особенностей грамматической структуры русского и немецкого языков. Указанная культурная особенность унаследована из СССР и присутствует во всех разновидностях русского языка, но для иностранца она представляет определённую трудность. В случае же культурно-маркированных лексем, типичных для нациолекта, задача усложняется ещё более. Особенно если, как в Беларуси, нациолект является близкородственным второму государственному языку. Характерным примером является прозвище белорусского президента Александра Лукашенко *Батька*, обладающее специфическими только для белорусской культурной среды коннотациями, хотя в русском языке имеется формально тождественная лексема, а само прозвище стало международно известным. Не в последнюю очередь это связано с тем, что аналогичная «российская» лексема является просторечной (стилистически сниженной) и имеет коннотации от фамильярных до насмешливых, в то время как в русском языке Беларуси она прочно ассоциируется с общеупотребительной лексемой белорусского языка *бацька* ‘отец’, которая является стилистиче-

¹⁷ Перевод избранных глав указанной книги производился в рамках магистерского семинара в Институте славистики Венского университета в 2015–2016 гг., в нём участвовало 30 студентов, из которых у 22 родным языком был немецкий.

¹⁸ Хотя в армиях других стран существовала и продолжает существовать аналогичная система, она реализуется другими способами, прежде всего по идеологическим причинам. Кроме того, это происходит в иной культурной среде, а потому вызывает иные ассоциации.

ски нейтральной, литературной и имеет одобрительно-уважительные коннотации. Это можно проследить на материалах «Белорусского N-корпуса» – национального корпуса белорусского языка (<https://bnkorporus.info/korpus.html>).¹⁹

Кроме учёта специфики нациолекта, переводчик должен быть особенно бдительным при переводе с/на близкородственный язык, поскольку опасность интерференции и нераспознавания отличий языка-источника от переводящего языка гораздо выше, чем у языков более отдалённых.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы не ставили своей целью разрешить существующие терминологические споры, однако считают необходимым обратить внимание на те проблемы, которые напрямую связаны с особенностями развития и функционирования национальных языков на современном этапе, и в первую очередь с проблемой нациолектов и их спецификой при переводе. Рассмотренные особенности относятся к наименее изученным и несомненно заслуживают внимания исследователей, поэтому наши выводы и замечания носят лишь предварительный характер и, возможно, в будущем подвергнутся полному пересмотру. В настоящий момент их можно свести к следующему.

1. Среди экстратерриториальных вариантов литературных языков следует различать *нациолекты* – полнофункциональные и дискурсивно не ограниченные разновидности, имеющие статус государственного или официального языка, и *региолекты* – функционально и дискурсивно ограниченные разновидности, не имеющие официального статуса.

2. Русский язык Беларуси является нациолектом русского языка, поскольку он стилистически полнофункционален в белорусской среде, имеет нормативные словари и грамматики и одновременно содержит целый ряд специфических особенностей на разных языковых уровнях, отличающих его от русского языка РФ. Наиболее ярко они проявляются в области культурно-маркированной лексики и терминологии.

3. Нациолект составляет конкуренцию исходному идиому в области перевода документации и научно-технической литературы, поскольку требует от переводчика владения спецификой нациолекта.

4. Для нациолектов любого языка характерно развитие лексических отличий от исходного идиома, в том числе в терминологии, что необходимо учитывать при переводе.

5. Особенности нациолектов должны учитываться в профессиональной подготовке переводчиков. В свете вышесказанного профессиональный пере-

¹⁹ Результаты соответствующего исследования пока не опубликованы, поэтому отсылаем к корпусу, из которого был почерпнут материал.

водчик русского языка должен знать не только русский язык России, но и специфику его диалектов на постсоветском пространстве – точно так же, как переводчик немецкого обязан различать немецкий язык Германии и его экстра-территориальные варианты.

Литература

Беларуская мова. (Najnowsze dzieje języków słowiańskich.) Eds. A. Lukašanec et al. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej 1998. 337 p.

БАХТИН, Николай Борисович – МУСТАЙОКИ, Апто – ПРОТАСОВА, Екатерина Юрьевна: Русские языки. In: Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Eds. A. Mustajoki – E. Protassova – N. Vakhtin. Helsinki 2010, pp. 5–16.

ДУЛИЧЕНКО, Александр Дмитриевич: О формах существования (стратах) русского языка в Эстонии: некоторые проблемы изучения. In: Русский язык в диаспоре: проблемы сохранения и преподавания. Сборник статей. Москва: Наука – Флинта 2002, с. 77–84.

ДУЛИЧЕНКО, Александр Дмитриевич: Об одном перспективном направлении в русистике: экстра-территориальные варианты русского литературного языка. In: Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы Международного конгресса исследователей русского языка. Москва: МГУ 2004, с. 358–359.

КОМИССАРОВ, Вилен Наумович: Лингвистика перевода. Изд. 2-е, доп. Москва: Р. Валент 2007. 176 с.

КОРИНА, Наталья Борисовна: К вопросу о современном состоянии русского языка и диалектах русского языка. In: Historický a sociolingvistický kontext kodifikácií slovanských jazykov. Ed. J. Glovňa. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV 2016, s. 119–131.

КОРИНА, Наталья Борисовна: Культурный фон текста как переводческая проблема (русско-словацкий аспект). In: Текст в языке, речи, культуре. Сборник научных трудов. Ред. А. А. Кожина – Е. Н. Руденко. Минск: Белорусский государственный университет 2017, с. 110–122.

ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия 1990. 685 с.

МЕЧКОВСКАЯ, Нина Борисовна: Белорусская трясанка и украинский суржик: суррогаты этнического субстандарта в их отношениях к массовой культуре и литературным языкам. In: Проблеми зставної семантики 7. Київ 2006, с. 109–115.

МИХНЕВИЧ, Арнольд Ефимович: Основные аспекты проблемы. In: Русский язык в Белоруссии. Ред. А. Е. Михневич. Минск: Наука и техника 1985, с. 3–12.

МЯЧКОЎСКАЯ, Ніна Барысаўна: Мовы і культура Беларусі. Нарысы. Мінск: ВТАА «Права і эканоміка» 2008. 347 с.

НОРМАН, Борис Юстинович: Билингвизм и многоречие в Республике Беларусь. In: Русский язык в многоречном социокультурном пространстве. Ред. Б. М. Гаспаров – Н. А. Купина. Екатеринбург: УФУ 2014, с. 267–286.

ПЛЮТНИКАЎ, Браніслаў Аляксандравіч – АНТАНЮК, Любоў Адамаўна: Беларуская мова: Лінгвістычны кампендыум. Мінск: Інтэрпрэсэрвіс – Кніжны Дом 2003. 672 с.

РАМЗА, Тацяна Расціславаўна: Гутарковае беларускае маўленне ў супастаўленні з формамі штодзённага камунікавання ў заходне- і ўсходнеславянскіх літаратурных мовах. In: Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XV Міжнародны з'езд славістаў (Мінск, 20–27 жніўня 2013): даклады беларускай дэлегацыі. Рэд. А. А. Лукашанец. Мінск: Беларуская навука 2013, с. 147–162.

РАМЗА, Тацяна Расціславаўна: Беларуская гутарковае маўленне ў славянскім кантэксце. Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ 2014. 256 с.

РОЗЕНЦВЕЙГ, Виктор Юльевич: Языковые контакты. Ленинград: Наука 1972. 80 с.

СИДЕШОВА, Зарина Галиевна: О лингвистической интерференции. In: Вестник Актыбинского университета им. С. Баишева 2011. Доступно на: <https://articlekz.com/article/12307> [дата обращения 29.08.2019].

ЦЫХУН, Генадзь Апанасавіч: «Трасянка» як аб'ект лінгвістычнага даследавання. In: Беларуская мова ў другой палове 20-га стагоддзя. Мінск: БДУ 1998, с. 83–89.

AMMON, Ulrich: Varietäten des Deutschen. In: Offene Fragen – offene Antworten in der Sprachgermanistik. Eds. V. Ägel – R. Hesk. Tübingen: Niemeyer 1992, pp. 203–223.

AMMON, Ulrich: Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin: Walter de Gruyter 1995. 575 p.

AMMON, Ulrich – BICKEL, Hans – EBNER, Jakob (eds.): Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. Berlin: Walter de Gruyter 2004. 954 p.

ARNTZ, Reiner – PICHT, Heribert – MAYER, Felix: Einführung in die Terminologearbeit. 6., verbesserte Aufl. mit Abbildungen. Hildesheim: Olms 2009. 351 p.

BRAMBILLA, Marina – GERDES, Joachim – MESSINA, Chiara (eds.): Diatopische Variation in der deutschen Rechtssprache. Berlin: Frank & Timme 2013. 377 p.

CLYNE, Michael G.: Language and Society in the German-Speaking Countries. Cambridge – New York: Cambridge University Press 1984. 269 p.

CLYNE, Michael (ed.): Pluricentric Languages: Different Norms in Different Nations. Berlin: De Gruyter 1992. 481 p.

COMBÜCHEN, Jo: Äquivalenz und Systemgebundenheit juristischer Termini anhand von Übersetzungsbeispielen (AT, BE, CH, DE, FR). In: eDITION, 2006, No 2, pp. 10–15.

COMRIE, Bernard: Sowjetische und russische Sprachenpolitik. In: Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Hrsg. H. Jachnow. Wiesbaden: Harrassowitz 1999, pp. 817–842.

DEL GAUDIO, Salvatore: Russian as a non-dominant variety in post-Soviet states: a comparison. In: Exploring Linguistic Standards in Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages / Explorando estándares lingüísticos en variedades no dominantes de lenguas pluricéntricas. Eds. R. Muhr et al. Wien et al.: Peter Lang 2013, pp. 343–362.

EBNER, Jakob: Österreichisches Deutsch. Mannheim u. a.: Duden 2008. 52 p.

ELSPAß, Stephan: Regional Standard Variation in and out of Grammarians' Focus. In: Grammar between Norm and Variation. Eds. A. N. Lenz – A. Plewnia. Frankfurt am Main: Peter Lang 2010, pp. 127–144.

GASEK, Bogumił: Лексико-семантическая интерференция в процессе перевода (на материале русского и польского языков). Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego 2012. 201 p.

HAARMANN, Harald: Aspekte des Multilingualismus in der Sowjetunion und ihren Nachfolgestaaten. In: Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Hrsg. H. Jachnow. Wiesbaden: Harrassowitz 1999, pp. 843–870.

HENTSCHEL, Gerd: Zur weißrussisch-russischen Hybridität in der weißrussischen „Trasjanka“. In: Slavistische Linguistik 2006/2007. Referate des XXXII. und XXXIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Hrsg. P. Kosta – D. Weiss. München: Verlag Otto Sagner 2008, pp. 169–219.

HENTSCHEL, Gerd et al. (eds.): Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine? Frankfurt am Main: Peter Lang 2014. 394 p.

HENTSCHEL, Gerd – KITTEL, Bernhard: Weißrussische Dreisprachigkeit? Zur sprachlichen Situation in Weißrussland auf der Basis von Urteilen von Weißrussen über die Verbreitung „ihrer Sprachen“ im Lande. In: Wiener Slawistischer Almanach, 2011, Vol. 67, pp. 107–135.

HENTSCHEL, Gerd – TARANENKO, Oleksandr O.: Die Sprachenlandschaft der Zentralen Ukraine: Ukrainisch, Russisch, Suržyk: Verwendung – Kompetenz – nationale Positionierung. In: Die Welt der Slaven, 2015, Vol. LX, pp. 248–275.

HENTSCHEL, Gerd – ZELLER, Jan-Patrick: Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien. In: Wiener Slawistischer Almanach, 2012, Vol. 70, pp. 127–155.

KAPPEL, Pter: berlegungen zur diatopischen Variation in der gesprochenen Sprache. In: Zugnge zur Grammatik der gesprochenen Sprache. (Germanistische Linguistik. 269.) Eds. V. gel – M. Hennig. Tbingen: Niemeyer 2007, pp. 215–244.

KRENEYOV, Anna – KRENEY, Ivan: Nemecko-slovensk a slovensko-nemeck prekladatelsk slovnk. Prvo – ekonomika. Fachwrterbuch Recht – Wirtschaft. Bratislava: Vydavatelstvo Kreney 2002. 1000 p.

LAUREYS, Godelieve: Den svensk-nederlndska/nederlndsk-svenska ordboken. En bidirektionell ordbok i ett dubbelt binationellt perspektiv. In: Nordiska Studier i Lexikografi 4, 1997, pp. 249–255.

MARKHARDT, Heidemarie: Das sterreichische Deutsch im Rahmen der Europischen Union. In: Lebende Sprachen. Zeitschrift fr fremde Sprachen in Wissenschaft und Praxis, 2004, 49, No. 1, pp. 15–22.

MARKHARDT, Heidemarie: Wrterbuch der sterreichischen Rechts-, Wirtschafts- und Verwaltungsterminologie. Frankfurt am Main: Peter Lang 2006. 134 p.

MARTIN, Willy: Natiolectismen in het Nederlands en hun lexicografische beschrijving. In: Revue belge de Philologie et d'Histoire, 2001, Vol. 79, No 3, pp. 709–736.

MESSINA, Chiara: Die sterreichischen Wirtschaftssprachen: Terminologie und diatopische Variation. Berlin: Frank & Timme 2015. 378 p.

MUHR, Rudolf: Zur Sprachsituation in sterreich und zum Begriff „Standardsprache“ in plurizentrischen Sprachen. Sprache und Identitt in sterreich. In: sterreichisches Deutsch. Linguistische, sozialpsychologische und sprachpolitische Aspekte einer nationalen Variante des Deutschen. Eds. R. Muhr – R. Schrodt – P. Wiesinger. Wien: Hlder-Pichler-Tempsky 1995, pp. 75–110.

MUHR, Rudolf: Norm und Sprachvariation im Deutschen. Das Konzept „Deutsch als plurizentrische Sprache“ und seine Auswirkungen auf Sprachbeschreibung und Sprachunterricht

DaF. In: Studien zu Deutsch als Fremdsprache IV. (Germanistische Linguistik. 137–138.) Hildesheim – Zürich – New York: Georg Olms 1997, s. 179–201.

MUHR, Rudolf: Die Unterschiede in der Rechtsterminologie Österreichs und Deutschlands und die Folgen für die Rechtssprache Deutsch im Rahmen der Europäischen Union. In: Muttersprache, 2009, Vol. 119, No 3, pp. 199–216.

MUHR, Rudolf – FONYUY, Kelen Ernesta – IBRĀHĪM, Zaynab – MILLER, Corey (eds.): Pluricentric languages and non-dominant varieties worldwide. Part I: Pluricentric languages across continents: features and usage. Frankfurt am Main – New York: Peter Lang 2016. 286 p.

MUHR, Rudolf – PEINHOF, Marlene: Wörterbuch rechtsterminologischer Unterschiede Österreich–Deutschland. Frankfurt am Main: Peter Lang 2015. 748 p.

ONDRČKOVÁ, Eva – LIŠKOVÁ, Danuša – POSPÍŠILOVÁ, Jana: Slovensko-nemecký ekonomický slovník. Bratislava: SPN 2005. 848 p.

von POLENZ, Peter: Nationale Varianten der deutschen Hochsprache. In: Zeitschrift für germanistische Linguistik, 1987, Vol. 15, No 1, pp. 101–103.

von POLENZ, Peter: ‚Binnendeutsch‘ oder plurizentrische Sprachkultur? Ein Plädoyer für die Normalisierung in der Frage der ‚nationalen‘ Varietäten. In: Zeitschrift für germanistische Linguistik, 1988, Vol. 16, No 2, pp. 198–218.

Protokoll Nr. 10 über die Verwendung spezifisch österreichischer Ausdrücke der deutschen Sprache im Rahmen der Europäischen Union. In: EU-Beitrittsvertrag, BGBl. 1995/45, 2544.

SCHNEIDER-WIEJOWSKI, Karina – AMMON, Ulrich: Deutschlandismus, Germani(z)ismus, Teutonismus: Wie sollen die spezifischen Sprachformen Deutschlands heißen? In: Muttersprache, 2013, Vol. 123, No 4, pp. 48–65.

SCHREIBER, Michael: Austriazismen in der EU: (k)ein Übersetzungsproblem? In: Lebende Sprachen. Zeitschrift für fremde Sprachen in Wissenschaft und Praxis, 2002, Vol. 47, No 4, pp. 150–153.

SCHRODT, Richard: Nationale Varianten, areale Unterschiede und der „Substandard“. An den Quellen des Österreichischen Deutsch. In: Österreichisches Deutsch und andere nationale Varietäten plurizentrischer Sprachen in Europa. Eds. R. Muhr – R. Schrodt. Wien: Hölder-Pichler-Tempsky 1997, pp. 12–39.

VAN KEYMEULEN, Jacques: The Dialect Dictionary. In: The Handbook of Dialectology. Eds. C. Boberg – J. Nerbonne – D. Watt. Oxford: John Wiley & Sons 2018, pp. 39–56.

WEISS, Andreas E. – WEISS, Gerlinde – SPECHTLER, Viktor: Das österreichische Deutsch – eine Standardvariante der deutschen Sprache. Salzburg: Das Land Salzburg 2007. 18 p.

WIESINGER, Peter: Das österreichische Deutsch in der Diskussion. In: Österreichisches Deutsch. Linguistische, sozialpsychologische und sprachpolitische Aspekte einer nationalen Variante des Deutschen. Eds. R. Muhr – R. Schrodt – P. Wiesinger. Wien: Hölder-Pichler-Tempsky 1995, pp. 59–74.

WISSIK, Tanja: Terminologische Variation in der Rechts- und Verwaltungssprache. Deutschland – Österreich – Schweiz. Berlin: Frank & Timme 2014. 366 p.

WOOLHISER, Curt: “Belarusian Russian”: Sociolinguistic Status and Discursive Representations. In: Non-Dominating Varieties of Pluricentric Languages. Getting the Picture. In Memory of Prof. Michael Clyne. Ed. R. Muhr. Wien et al.: Peter Lang 2011, pp. 11–49.

WREDE, Olga – BORSUKOVÁ, Hana: Die österreichische Varietät des Deutschen aus fachübersetzerischer Sicht am Beispiel der Übersetzung von Wirtschafts- und Rechtstexten (deutsch-slowakisch). In: Deutsch als fachbezogene Fremdsprache in Grenzregionen. Eds. B. Blahak – C. Piber. Bratislava: Ekonóm 2008, pp. 39–44.

ZABAVNOVA, Olesya – ZAMALETDINOV, Radif: Metaphors in exploring emotional concepts in the Tatar and English languages. In: The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication, 2016, No. 11, Special Edition, pp. 3607–3611.

R e s u m é

K OTÁZKE NACIOLEKTU A JEHO VPLYVU NA ŠPECIFIKÁ TERMINOLÓGIE A OSOBITOSTI JEJ PREKLADU

Štúdia prináša stručný pohľad na problematiku naciolektov (diatopických variantov) súčasnej nemčiny a ruštiny ako pluricentrických jazykov (rakúska nemčina a bieloruská ruština). Osobitná pozornosť sa venuje vývinu terminológie a konkurencii, resp. koexistencii pojmov *naciolekt*, *regiolekt*, *diatopický variant* a i.

Autori štúdie ozrejmuju spoločensko-politické dianie 80. a 90. rokov 20. storočia, ktoré formovanie naciolektov výrazne ovplyvnilo. Výsledky tohto procesu však boli pomerne odlišné: kým v prípade rakúskej nemčiny celkové spoločensko-politické dianie a najmä vstup do EÚ prispeli k upevneniu jej postavenia ako samostatného jazykového variantu, v prípade bieloruskej ruštiny analogické procesy viedli k tomu, že sa o nej vôbec začalo hovoriť ako o samostatnom jazykovom variante, ktorý zatiaľ nemá oficiálne uznanie ani ustálené pomenovanie a ktorému sa vedecká pozornosť venuje iba okrajovo. Zaujímavý je tento variant predovšetkým tým, že funguje ako úradný jazyk popri blízko príbuznej bieloruštine, pričom z nej síce priamo nepreberá, ale je ňou kultúrne poznačený, čím sa odlišuje od „domovskej“ ruštiny v Ruskej federácii.

Pozornosť sa sústreďuje na kultúrne podmienené a pragmatické osobitosti právnej a ekonomickej terminológie v kontexte interlingválneho prekladu (rakúska nemčina – slovenčina, bieloruská ruština – slovenčina). Na konkrétnych príkladoch autori poukazujú na časté úskalia pri preklade odborných textov z rakúskej nemčiny a bieloruskej ruštiny do slovenčiny (interferencia v preklade, kulturémy, metafory a i.) a na nevyhnutnosť ich reflexie vo vysokoškolskej príprave budúcich prekladateľov a tlmočníkov.